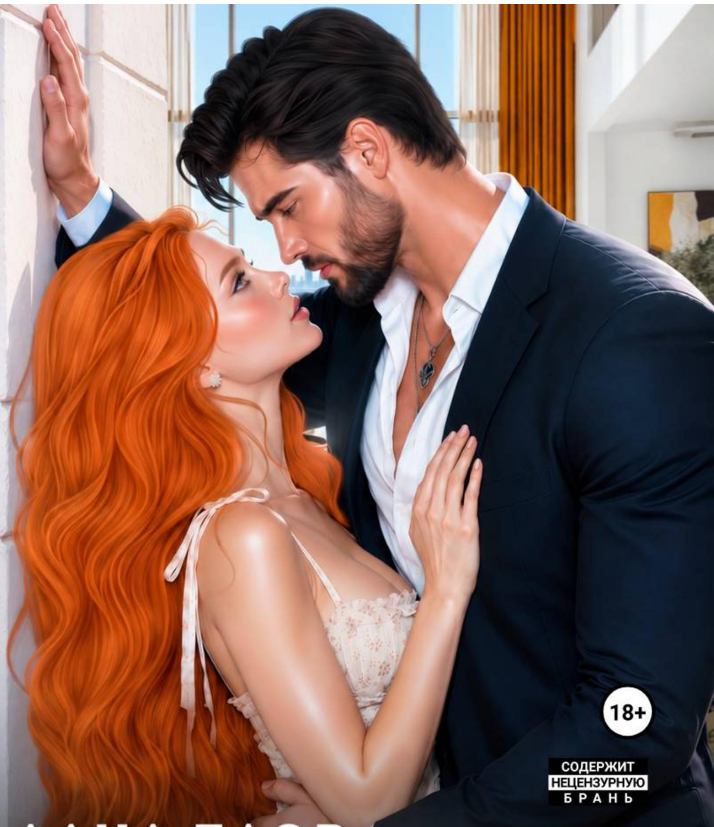

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛАНА БЛЭР

ТОЛЬКО ТЫ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Лана Блэр
Только ты
Серия «Вернуть нас», книга 2

<https://litres.ru/74646723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почти десять лет Гордей даже не подозревал, что у него есть сын, а теперь, когда правда наконец открылась, он намерен наверстать упущенное и вернуть женщину, которую так и не смог забыть.

Азалия решила на развод, и у них впервые появился шанс быть вместе. Но расставание с мужем грозит обернуться настоящей борьбой, а тайны прошлого способны разрушить их будущее. Смогут ли они преодолеть все препятствия и наконец обрести счастье, которого были лишены столько лет?

Содержание

Глава 1	4
1.1	10
1.2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лана Блэр

Только ты

Глава 1

Азалия

Дура! Дура! Дура!

Какая же я дура, что оставила документы на столе!

Чашки в моих руках дрожат, чай выплескивается на блюдце, но я замечаю это только потому, что горячая капля попадает на палец. Сердце грохочет где-то в горле, и несколько секунд я просто стою у входа в гостиную, не представляя, что теперь делать.

Гордей смотрит на меня. Свидетельство о рождении Фе-ди все еще в его руке. Взгляд тяжелый, растерянный, и я впервые вижу его таким. Обычно он умеет сохранять спокойствие даже тогда, когда остальные давно его потеряли. Сейчас от привычной уверенности почти ничего не осталось.

Я столько раз боялась этого разговора, что успела поверить: если откладывать его достаточно долго, однажды необходимость говорить исчезнет сама.

Не исчезла.

– Федя мой сын, – повторяет Гордей.

В первый раз эти слова прозвучали почти как вывод, к

которому он пришел сам. Сейчас в них появляется вопрос, хотя формулировка остается прежней.

— Да, — выдыхаю сдавленно и тихо.

Слово дается тяжело, но после него становится немного легче дышать. Наверное, потому что теперь уже ничего нельзя изменить. Почти десять лет я знала, что однажды Гордей может задать мне этот вопрос, и столько же времени надеялась, что этого никогда не произойдет. Теперь он знает правду, и обратно ее уже не спрячешь.

Гордей опускает взгляд на свидетельство, затем аккуратно кладет документ на стол.

Пальцы начинает сводить. Только сейчас замечаю, как сильно прижимаю их к нижней стороне блюда, на которых стоят чашки. Пытаюсь немного ослабить хватку, но кисти уже ноют от напряжения.

Я представляла этот момент много раз, особенно в первые годы после рождения Феди. Иногда думала, что просто позвоню Гордею и скажу все сразу, пока не успела испугаться. Несколько раз даже находила его номер и долго смотрела на экран, убеждая себя нажать на вызов. Потом Федя подрос, Гордей оставался далеко, а у меня появилась жизнь, в которой для этой правды с каждым годом находилось все меньше места.

В какой-то момент я перестала представлять сам разговор. Решила, что его просто не будет.

Глупо, знаю.

Правда вообще редко интересуется тем, насколько удобно ей появляться в чужой жизни.

– Почему ты мне не сказала?

Я знала, что он спросит, но все равно оказываюсь не готова.

Пальцы сводит сильнее. Я ставлю блюдца с чашками на стол, пока действительно не уронила их, и несколько раз сжимаю и разжимаю ладони, пытаюсь избавиться от неприятного онемения.

– Гордей...

– Почему, Аза?

В его голосе нет прежней растерянности. Шок никуда не делся, я вижу его в застывшем взгляде и напряженных плечах, но теперь рядом с ним появляется злость.

И боль.

– Я-я-я... – тяну, не понимая, как обо всем рассказать. – Я не могу объяснить это в двух словах.

– У тебя было почти десять лет, чтобы подобрать больше двух, – тихо и сипло произносит он.

Гордей делает шаг ко мне, и я машинально отступаю. Даже не успеваю понять, что делаю, пока не замечаю, как он замирает.

Черт.

Он смотрит на меня, потом его взгляд опускается к царапине на щеке и задерживается на разбитой губе. Понимаю, о чем именно он сейчас подумал.

В пятницу Артем ударил меня. С тех пор прошло всего несколько дней, а я до сих пор невольно напрягаюсь от резких движений рядом. Мужчина делает шаг в мою сторону – и я уже отступаю, хотя прекрасно знаю, что Гордей меня не тронет.

От этого становится не по себе.

Гордей больше не двигается. Даже руки оставляет опущенными, словно боится сделать еще что-нибудь, что заставит меня снова отступить.

Мне хочется сказать, что я не боюсь его, что дело вообще не в нем. Но любые оправдания сейчас прозвучат только хуже, поэтому я молчу.

– Я не хотел тебя напугать, – говорит он спустя несколько секунд.

– Ты не напугал.

Оба понимаем, что это не совсем правда, но спорить Гордей не начинает.

Он отворачивается и подходит к окну. Проводит ладонью по затылку, какое-то время смотрит на улицу, а я наконец заставляю себя оторваться от пола. Сажусь на край дивана и сцепляю пальцы, чтобы он не видел, как они дрожат.

Мне всегда казалось, что если Гордей когда-нибудь узнает, то разозлится. В некоторых придуманных разговорах он обвинял меня, в других молча уходил, а однажды воображение вообще услужливо нарисовало совершенно невозможную картину, где он спокойно принимает мое объяснение и

говорит, что понимает.

Сейчас я впервые осознаю, что во всех этих фантазиях думала только о собственной реакции, о том, как будет страшно мне.

Как будто мужчина, которому сообщают, что у него девятилетний сын, должен был остаться всего лишь вторым участником моего кошмара.

– Кто еще знает? – спрашивает Гордей.

Голос звучит напряженно, и я поднимаю голову, встречаясь с ним взглядом.

– Влада, – отвечаю тихо.

Его брови едва заметно сходятся к переносице. Мелкая дрожь все еще пробегает по пальцам, поэтому я сильнее сцепляю их между собой, стараясь хотя бы так ее унять.

– Мстислав?

– Нет.

Гордей выдерживает короткую паузу, прежде чем задать следующий вопрос:

– Владимир Сергеевич?

– Тоже нет, – поджав губы, верчу головой.

На секунду в его глазах мелькает удивление. Гордей прекрасно знает, насколько мы близки с папой и братом, поэтому мой ответ наверняка кажется ему странным.

Иногда я и сама удивляюсь, что за столько лет ни один из них ничего не заподозрил. Особенно Мстислав, который обычно замечает любые перемены в моем настроении и ле-

зет с вопросами, пока не получит ответ.

С Владой все получилось иначе. Ей я рассказала почти сразу и ни разу об этом не пожалела. Она хранила мою тайну все эти годы и никогда не пыталась заставить меня рассказать остальным.

Гордей некоторое время молчит. По напряженному лицу понимаю, что он перебирает в голове тех, кто еще мог знать, и следующий вопрос заставляет меня задержать дыхание.

– Артем знает?

1.1

Внутри все неприятно скручивается, а напряжение в плечах становится почти болезненным. Опускаю взгляд и несколько секунд рассматриваю собственные пальцы, прежде чем заставляю себя ответить:

– Да.

Тишина затягивается. Поднимаю глаза. Гордей не двигается, только смотрит на меня, ожидая продолжения. И по тому, насколько неподвижным стало его лицо, понимаю: одного короткого ответа ему уже недостаточно.

– Он знал еще до свадьбы, – поясняю, прочистив горло.

Несколько секунд Гордей смотрит на меня так, будто не уверен, что правильно услышал.

– Он знал, что... Федя мой сын? – проговаривает он последние слова с трудом.

– Да, – киваю, сглотнув.

Выражение его лица меняется. До этого я видела злость, но теперь она становится почти осязаемой. Гордей резко отворачивается, проводит ладонью по лицу и тихо ругается себе под нос. Несколько секунд стоит ко мне спиной, и я замечаю, как напряжены его плечи. Медленно повернувшись, он хмурится и шумно выдыхает.

– Получается, твой муж девять лет знает, что у меня есть сын. Влада знает. Ты знаешь, – он ненадолго замолкает, и

последние слова произносит уже тише. – И единственный человек, которому почему-то не нужно было знать – это я.

Я чувствую, как напрягается все тело. Даже челюсть сводит от того, с какой силой стискиваю зубы. От его тона внутри начинается подниматься раздражение. Я понимаю, что он имеет право злиться. Но сейчас его слова звучат так, словно все эти девять лет я спокойно жила с этой тайной и ни разу не задумывалась о том, что делаю.

– Я не говорила, что тебе не нужно было знать.

– Зато сделала именно так.

Поднимаю на него взгляд и сдвигаю брови у переносицы.

– Что?

– Девять лет, Аза, – Гордей смотрит на меня в упор. – Ты девять лет решала за меня, знать мне о собственном сыне или нет.

– Ты понятия не имеешь, как все было.

– Так расскажи! – резко выпаливает он.

Вздрагиваю, и по спине тут же проходит мелкая дрожь. Гордей замечает, на какое-то время прикрывает глаза и шумно выдыхает, но отступать от разговора явно не собирается.

– Расскажи мне. Я пытаюсь понять, что произошло. Почему Артем знал до свадьбы? Почему Влада знала? Почему ты ни разу мне не сказала?

– Потому что все не так просто! – не выдерживаю и повышаю тон.

– А я и не жду, что будет просто!

– Тогда перестань разговаривать со мной так, словно я специально решила вычеркнуть тебя из жизни Феди!

– А как мне с тобой разговаривать? – Голос Гордея становится громче. – Я узнал, что у меня девять лет есть сын!

– Я понимаю!

– А мне кажется, ты вообще не понимаешь, что это значит!

Злость вспыхивает мгновенно.

– Не понимаю? – резко поднимаюсь с дивана. – Я девять лет его растила, Гордей!

– Я говорю о себе!

– А я сейчас не могу думать только о тебе!

Тяжело дышу, пытаюсь успокоиться, но злость уже смешалась со страхом, а вместе с ними поднимается старая обида, которую я считала давно пережитой.

– Ты хочешь знать, почему я тебе не сказала? – спрашиваю тише. – Хорошо. Тогда для начала вспомни, чем закончилась наша единственная ночь.

– Азалия...

– Мне было девятнадцать. Я была влюблена в тебя столько лет, что даже не помнила себя без этого чувства. А утром ты сказал, что мы совершили ошибку. Велел забыть, а потом уехал. О беременности я узнала, когда тебя уже не было в стране. Как ты думаешь, что я должна была сделать?

– Сказать мне, – тут же отвечает он.

– Конечно, – горько усмехаюсь.

– Да, черт возьми! Сказать мне! – снова повышает голос Гордей.

– И что было бы дальше?

– Не знаю!

– Вот именно!

– Но у меня хотя бы был бы выбор!

Последняя фраза заставляет меня замолчать. Гордей тоже ничего больше не говорит. Я смотрю на него и впервые за весь разговор не нахожу, чем ответить, потому что это правда.

Какими бы ни были мои причины, выбор я действительно сделала за него.

Осознание неприятное, почти болезненное, и мне хочется тут же найти оправдание. Напомнить ему, как он оттолкнул меня, а потом уехал. Что к тому моменту, когда я узнала о беременности, его уже не было в стране. Я осталась одна, напуганная и совершенно не представляющая, что делать дальше, а рядом оказался Артем, который знал правду и предложил помощь.

Все это правда.

Только правда редко бывает удобной настолько, чтобы одна ее часть отменяла другую.

– Я расскажу тебе, Гордей, – говорю тихо и обнимаю себя руками, пытаясь унять дрожь. – Обещаю. Но не сегодня.

– Почему не сегодня?

– Потому что я больше не могу. За последние несколько

дней моя жизнь перевернулась с ног на голову. Артем ударил меня, я решила разводиться, начала собирать документы и думать, как сделать так, чтобы он не смог использовать Федю против меня. А теперь ты стоишь посреди моей гостиной и требуешь за один вечер рассказать тебе десять лет моей жизни. Я не могу, Гордей. Просто не могу.

Он долго смотрит на меня. Злость остается, но теперь я снова замечаю за ней ту растерянность, которая была у него в самом начале.

– Мне тоже сейчас не особенно легко.

– Я знаю.

– Не думаю, – Гордей собирается сказать что-то еще, но я больше не хочу ничего слышать.

– Уходи.

– Что? – нахмурившись, переспрашивает он.

– Я хочу, чтобы ты ушел.

– Мы не закончили, Азалия.

– На сегодня закончили. Пожалуйста.

Последнее слово останавливает его лучше повышенного тона.

Гордей молчит еще несколько секунд, потом медленно кивает. Он идет в сторону прихожей, я остаюсь возле дивана. Тело начинает бить крупная дрожь, и кажется, что, если сделаю хотя бы несколько шагов следом, ноги просто не выдержат.

Остановившись в дверном проеме, Гордей оборачивается.

– Я уйду. Но ты же понимаешь, что на этом ничего не закончится?

– Понимаю.

– Мне нужно знать все.

– Я расскажу, – обещаю ему.

– И еще одно. Я ничего не скажу Феде без тебя.

Напряжение, которое я до этого почти не замечала, немного отпускает.

– Спасибо.

Гордей кивает. Кажется, что он хочет добавить что-то еще, но в итоге просто скрывается в прихожей. А затем я слышу, как открывается дверь.

– Я напишу завтра, – предупреждает он, прежде чем уйти.

Опустившись на пол прямо возле дивана, прижимаюсь спиной к его краю и закрываю лицо ладонями. Первый всхлип получается тихим. Второй уже не удастся сдержать, а через несколько секунд я плачу так, что начинает не хватать воздуха.

Наверное, я слишком долго держалась последние годы.

На работе нельзя показывать слабость. Там я финансовый директор, который должен принимать решения, отвечать за цифры и сохранять спокойствие, даже когда все вокруг начинают нервничать. Дома есть Федя, которому совершенно не нужно видеть наши с Артемом ссоры и знать, сколько раз я запиралась в ванной на несколько минут только для того, чтобы умыться, привести себя в порядок и выйти к сыну с

нормальным лицом.

А потом вернулся Гордей.

И рядом с ним тоже пришлось делать вид, что все давно прошло. Спокойно смотреть ему в глаза, разговаривать, спорить, язвить в ответ и каждый раз прятать то, что не должно было вылезти наружу спустя столько лет.

Последние дни окончательно выбили почву из-под ног. После удара Артема я поехала фиксировать побои, потому что нужно было думать о будущем. Потом разговаривала с адвокатом, собирала документы, пыталась составить хоть какой-то план и понять, как защитить Федю.

А сегодня Гордей узнал правду.

Все это время находилось что-то важнее слез. Работа, сын, развод, документы, необходимость держать лицо перед людьми, которые не должны были видеть, насколько мне тяжело.

Сейчас впервые ничего делать не нужно, поэтому я просто плачу. Слезы попадают на разбитую губу, и та начинает неприятно щипать. Я вытираю лицо рукавом, но через минуту щеки снова мокрые.

Перед глазами появляется Гордей со свидетельством в руках. Я помню его растерянный взгляд. В тот момент от привычной уверенности в нем почти ничего не осталось, и сейчас, вспоминая его лицо, я впервые по-настоящему чувствую, что сделала с ним эта правда.

Я сделала это с ним.

И сколько бы причин у меня ни было тогда, сейчас я понимаю, что Гордей все равно имел право знать.

Не знаю, сколько сижу на полу, но в какой-то момент слезы заканчиваются сами. Остается только тяжелая голова, заложенный нос и мерзкая слабость во всем теле. Поднимаюсь, держась рукой за край дивана, и иду в ванную.

В зеркало лучше на себя не смотреть. После слез глаза опухли, кожа вокруг носа покраснела, а следы от удара Артема никуда не делись. Губа выглядит уже лучше, чем в субботу, но все еще заметно разбита. Царапина на щеке тоже не исчезла. Умываюсь холодной водой, осторожно промокаю лицо полотенцем и возвращаюсь в гостиную.

Мне нужно с кем-нибудь поговорить. Рассказать вслух, что Гордей теперь знает, выплеснуть все, что накопилось за этот вечер, потому что одной переварить случившееся сейчас кажется невозможным.

Первым человеком, о котором я думаю, становится Влада. Она знает эту историю с самого начала. Знает, что произошло между нами с Гордеем десять лет назад, чей Федя сын и почему я столько лет молчала. С ней мне не придется начинать издалека или объяснять то, на что сейчас просто не осталось сил.

Взяв в руки телефон, нахожу ее номер и нажимаю на вызов.

– Привет, – отвечает она спустя пару длинных гудков. – Ты как?

– Гордей знает.

На мгновение в трубке повисает тишина.

– Про Федю? – уточняет она тише.

– Да.

1.2

– Как?

Сев на диван, рвано выдыхаю и начинаю рассказывать. Слова сначала путаются, несколько раз приходится останавливаться, чтобы собраться с мыслями и продолжить.

Сбивчиво объясняю, что оставила на столе документы для развода вместе со свидетельством о рождении Феде. Гордей увидел дату, сопоставил ее с нашей единственной ночью и сам все понял. До ссоры дохожу уже не так подробно – сил пересказывать каждую реплику просто нет. Впрочем, Владе хватает и этого, чтобы понять, чем закончился разговор.

– Я сейчас приеду, – говорит она.

Пальцы сами касаются разбитой губы.

– Не надо. Я все еще болею, а ты беременная. – слышу, как она фыркает, поэтому добавляю: – Влад, пожалуйста. Я правда не хочу, чтобы ты от меня что-нибудь подцепила.

Простуда здесь очень кстати. Можно сослаться на нее и не придумывать ничего другого, потому что настоящая причина совсем не в том, что я боюсь заразить Владу.

Если она сейчас приедет, то сразу увидит мою губу и щеку. Придется объяснять, что произошло в пятницу, почему я ничего ей не рассказала и что Артем действительно поднял на меня руку.

Я пока не готова еще к одному разговору. Сегодня с меня

хватит правды.

– Хорошо, – наконец сдается Влада. – Но, если тебе станет хуже, позвони.

– Позвоню, обещаю.

В трубке снова повисает тишина. Выговорившись, я чувствую себя немного спокойнее, хотя тяжесть после разговора с Гордеем никуда не делась.

– Гордею нужно все рассказать, – говорит Влада.

– Знаю, – вздыхаю. Только понятия не имею, как.

– Спроси у него, что он хочет знать. Может спрашивать, а ты отвечать, – предлагает она.

Возможно, она права. По крайней мере, мне не придется самой решать, с чего начинать и какие подробности ему нужны.

– Он знает, что ты и Артем были в курсе.

– Ты сказала?

– Он спросил.

Снова вспоминаю лицо Гордея после моего признания. До этого он был злым и растерянным, но имя Артема словно окончательно выбило его из равновесия. Девять лет мой муж знал, чей Федя сын, пока сам Гордей даже не подозревал о его существовании.

– Я сделала ему больно, Влад.

– Да, – тихо отвечает она. – Но у тебя были причины поступить именно так.

– Были.

– Вот о них и расскажи. А дальше пусть сам решает, может он тебя понять или нет.

Прижимаю колени к груди и расфокусированным взглядом смотрю в одну точку.

– Мне страшно даже не из-за этого.

– Из-за Феди?

– Да, – подтверждаю хрипло. – Я не представляю, как мы ему скажем.

У Феди есть папа. Он любит Артема, доверяет ему и всю жизнь считает его своим отцом. Теперь рядом должен появиться Гордей, и я понятия не имею, как сын отреагирует на правду и что почувствует, когда поймет, что я скрывала ее от него тоже.

– Больше всего я боюсь сделать больно Феде.

– Тогда не торопитесь, – отвечает Влада. – Сначала поговори с Гордеем.

Из трубки доносится шум, а следом голос Мстислава.

– Это Мстислав?

– Да.

– Влад...

– Ничего не скажу. Но если Гордей сам ему расскажет, я уже ничего не смогу сделать.

Теперь это уже не только моя тайна и я не имею права требовать от Гордея хранить ее ради моего спокойствия.

– Я понимаю.

– А от меня он ничего не узнает.

– Спасибо.

Мы разговариваем еще несколько минут. Влада снова предлагает приехать, но я отказываюсь и обещаю позвонить завтра после того, как Гордей уедет. После разговора остаюсь на диване с телефоном в руке и смотрю в темное окно.

В квартире тихо. Две чашки с давно остывшим чаем так и стоят на столе, а рядом с ними лежат документы, из-за которых сегодняшний вечер закончился совсем не так, как я ожидала.

Потянувшись, беру свидетельство о рождении.

Горев Федор Артемович.

Я сама согласилась, чтобы в этой строчке появилось имя Артема. Тогда мне казалось, что я поступаю правильно. Он любил меня, знал о беременности и сам предложил стать отцом ребенку другого мужчины. Я была напугана, обижена и отчаянно хотела построить жизнь, в которой однажды все встанет на свои места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.